

абстрактного анализа (стр. 117—118), он об этой предпосылке не считает нужным упомянуть *).

Если прогресс техники исключен, а лучшие естественные условия уже использованы, то при расширении производства будет происходить переход к худшим естественным условиям и производительность труда будет падать. История развития общественного хозяйства предстанет перед нами не как история роста производительных сил общества, а как история их упадка (а вследствие этого и упадка жизненного уровня населения). Проф. Чаянов и делает такой вывод (напр., на стр. 130): «Каждая новая фаза в развитии земледелия будет знаменовать собой значительное увеличение земледельческого населения и падение уровня его благосостояния».

Прогресс хозяйства он понимает исключительно, как рост валовой продукции данной отрасли при одновременном падении производительности труда (см., напр., «Очерки по теории водного хозяйства», стр. 98).

В этом отвлечении от развития техники, следовательно, в принятии в качестве само собой разумеющейся предпосылки застойной техники нет ничего случайного. Перед нами политическая экономия, стоящая на точке зрения докапиталистического мелкого хозяйства, притом допотопного мелкого хозяйства, с застойной техникой, хозяйства, находящегося поэтому во власти сил природы. Это—политическая экономия, стоящая на точке зрения экономического реакционного мелкого буржуа.

Но мы имеем дело не с наивными воззрениями крестьянина, а с мелкобуржуазной теорией, т.-е. со взглядами того же крестьянина (и вообще мелкого буржуа), но обработанными научно, ставшими основой рассмотрения всей общественной экономики.

Однако попытка рассматривать всю общественную экономику с точки зрения допотопного крестьянского хозяйства не может не привести к нелепостям.

Блестящее доказательство этого положения дает статья «Опыты изучения изолированного государства». Поставив своей целью выяснить вопрос «о том месте, которое в общем строении народного хозяйства занимает земледелие, и о внутренней организации его в целом», проф. Чаянов развертывает подробно разработанное теоретическое построение, дающее его ответ на этот вопрос. Но вот один из выводов, к которому он приходит: по мере перехода к высшим фазам развития «относительное количество горожан (т.-е. процент городского населения Л. К.) падает неуклонно (курсив мой Л. К.)». В подтверждение этого изумительного вывода проф. Чаянов приводит на стр. 132 даже целую таблицу, изображающую как при переходе от 1-ой ко 2-ой, 3-ей и, наконец, 21-ой фазе развития % городского населения неуклонно (I) падает от 58 и до 24%.

Согласно теории А. В. Чаянова, развитие общества начинается с высокого % городского населения, который затем все уменьшается и уменьшается. Вывод этот—о падении % городского населения—стоит в таком резком, таком непримиримом, таком вопиющем противоречии со всей историей человечества, и во всем мире, и в отдельных странах, что читатель оказывается в печальном положении, обрисованном в известном четверостишии Пушкина:

*) В предисловии он прямо заявляет, что, «изучая экономику изолированного государства, автор совершенно игнорировал (курсив мой Л. К.) развитие техники». Таким образом проф. Чаянов изолирует свое государство не только от других государств, но и от развития техники.

«Встает с заката царь природы,
И изумленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать, или вставать».

К подобного рода выводам, несомненно, пришел бы и астроном, который попытался бы создать теорию движения небесных светил, отвлекшись от действия сил тяготения.

С этим подходом тесно связана и та экономически реакционная мелкобуржуазная критика, которой проф. Чаянов подвергает капитализм.

Капиталистическое хозяйство в земледелии, оцениваемое с народно-хозяйственной точки зрения, отличается, согласно А. В. Чаянову, пониженной производительностью капиталистически-эксплуатируемых земель, оно понижает валовой доход земледелия, следовательно, и национальный доход (см. стр. 139). Проф. Чаянов не отмечает здесь лишь одного небольшого, но весьма существенного обстоятельства, что капитализм и в земледелии отличался от докапиталистических хозяйственных форм сравнительно с ними высокой и притом прогрессирующей техникой, вследствие чего, например, средний урожай одной десятины был у нас перед революцией в (почти сплошь капиталистических) частновладельческих хозяйствах выше, чем в (большей частью докапиталистических) крестьянских; следовательно, капиталистическое хозяйство в земледелии отличалось не пониженной, а повышенной производительностью земли.

Точно так же и сельское хозяйство Англии, наиболее капиталистическое, далеко превосходит по производительности земли сельское хозяйство стран с слабым развитием селско-хозяйственного капитализма (напр., России). И в этом пункте теория проф. Чаянова вступает в явное противоречие с действительностью.

Но его критика капитализма не только однобока и потому неверна, она обнаруживает характерное понимание или, вернее, непонимание капитализма. Что проф. Чаянов понимает под капитализмом, об этом ясное представление дают «опыты изучения изолированного государства». В этом изолированном государстве не только отсутствует прогресс техники; не только страна появляется на свет божий высоко индустриальной, чтобы покончить свои дни в качестве страны аграрной; не только неуклонно падает процент городского населения и растет процент сельского; не только производство орудий и прочих средств производства остается неотделенным от производства средств потребления (как сельское хозяйство, так и промышленность сами изготовляют все орудия и прочие средства своего производства),—на все это приходится итти, ибо «такова до крайности упрощенная система хозяйственной жизни нашего изолированного государства-острова» (см. стр. 118).

В данном случае мы хотим отметить лишь то, что именно представляет из себя на этом острове капиталистическое производство. Прежде всего оно существует, вопреки нашим привычкам, не в промышленности, а только в сельском хозяйстве. И это вовсе не случайность, напротив того, подобного рода капитализм (а иного теория трудового крестьянского хозяйства, повидимому, не знает) может существовать только в сельском хозяйстве (и горном деле). Дело в том, что при ближайшем рассмотрении под капиталистической прибылью теория трудового крестьянского хозяйства понимает, как оказывается (см. стр. 133), не что иное, как дифференциальную ренту, притом определенного вида, а именно получаемую вследствие разного положения земель по отношению к рынку. В ее понимании капиталист это—землевладелец, ведущий собственное хозяйство на основе такой же точно техники и организации хозяйства, как и не капиталисти-

ческие предприятия, но с применением наемного труда, при чем заработная плата его рабочих стоит на том же уровне, что и доход некапиталистических товаропроизводителей. Так как развитие хозяйства на «нашем» острове состоит в падении производительности труда по мере перехода к худшим естественным условиям, то занятие нашего капиталиста состоит в том, чтобы не производить ухудшения своего хозяйства и тем самым не допускать падения в нем производительности труда до того уровня, до какого упала при переходе к данной фазе развития производительность труда некапиталистических производителей; а так как по мере падения последней падает и заработная плата, то ему и очищается... по мнению проф. Чаянова, капиталистическая прибыль. Разумеется, такую же капиталистическую прибыль может в данных условиях получить и самый что ни на есть непричастный к капитализму крестьянин, совершенно невинный по части применения наемного труда, если только он, вопреки общему настроению своих соотечественников, решится осуществить Zweikindersystem.

После этого нас уже несколько не удивит, что на изолированном острове норма прибыли неуклонно растет (если — в виду отсутствия данных о средствах производства — за капитал считать стоимость валовой продукции минус „прибыль“, то норма прибыли неуклонно повышается от 2-ой фазы к 21-ой с 8 и до 56%^{*)}). У своеобразного капитализма свои своеобразные законы развития.

Мы видим, таким образом, что капитализм, критикуемый проф. Чаяновым, весьма оригинальный капитализм и что критика эта свидетельствует, правда, о чувствах мелкобуржуазной политической экономии к капитализму, но отнюдь не о понимании последнего.

Поскольку „капиталист“ теории трудового крестьянского хозяйства ведет свое хозяйство на основе той же техники и организации хозяйства, что и некапиталистические хозяйства, а это обычно бывает в тех случаях, когда земля такого „капиталиста“ обрабатывается крестьянами при помощи крестьянского же инвентаря, перед нами идеализированный крепостник, довольствующийся присвоением дифференциальной ренты. Такое понимание капитализма является теоретическим приспособлением термина политической экономии к представлениям эксплуатируемого крепостниками крестьянства.

Последовательно проведенный проф. Чаяновым отказ от рассмотрения экономики в зависимости от развития (и падения) производительных сил означает подход не с диалектической точки зрения, не с точки зрения развития, а с точки зрения отсутствия развития, рассмотрения не процессов, а состояния.

Теория А. В. Чаянова рассматривает крестьянское хозяйство, как результат воздействия естественных факторов. Но это вовсе не значит результат воздействия одной только внешней природы (влияние последней анализируется в «опытах изучения изолированного государства»), но прежде всего самого населения, рассматриваемого, как естественный фактор, т.-е. со стороны физиологически обусловленного полового и возрастного его состава и его прироста (см., напр., стр. 79). Крестьянское хозяйство проф. Чаянов старается представить, как хозяйство, которое в своем строении и развитии определяется строением отдельной семьи, ее размерами и соотношением $\frac{e}{p}$, т.-е. едоков к работникам.

В «бюджете крестьянского хозяйства» (являющемся выдержкой из бюджетной работы проф. Чаянова «Опыт разработки бюджетных данных

*) 1-я фаза — золотой век — не знает мерзости капитализма, хотя бы и в кавычках.

по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии) он, исходя из определенного теоретического представления о ходе развития семьи, развертывает, примерно, такую картину.

Развитие крестьянского хозяйства начинается с молодой пары без детей; по мере появления детей растёт отношение $\frac{e}{p}$, но до известного предела, пока первый ребенок не подрастет настолько, что станет помогать в работе; вместе с ростом отношения $\frac{e}{p}$ растёт и подгоняемая им продукция крестьянского хозяйства; с появлением нового работника в лице подросшего ребенка, отношение $\frac{e}{p}$, начинает падать; вместе с тем прирост числа работников в семье позволяет с одной стороны расширить землепользование, в частности путем аренды, с другой—использовать преимущества сложной кооперации»; расширение землепользования, следовательно, укрупнение хозяйства делает возможным (рентабельным) применение машин, а это в свою очередь ведет к новому расширению землепользования *). Итак, продукция (размер) крестьянского хозяйства сначала растёт потому, что растёт семья и ее потребности, а потом потому, что подрастают новые работники. Затем семья делится, и начинается та же сказка про белого бычка.

Политическая экономия проф. Чаянова не выходит, следовательно, в его теории крестьянского хозяйства за пределы того, что немцы называют Familienangelegenheiten (семейные дела), куда входит и то печальное обстоятельство, что как пишет проф. Чаянов (стр. 79) «теоретическое развитие семьи часто нарушается... вымиранием отдельных членов семьи».

Но отправляясь от естественных фактов, проф. Чаянов совершенно фатально осужден на то, чтобы прийти не к теории развития крестьянского хозяйства, не к теории движущегося (изменяющегося) крестьянского хозяйства, а к теории неподвижного крестьянского хозяйства. Он объясняет не движение, а строение крестьянского хозяйства, в лучшем случае не течение реки, а рябь на ее поверхности.

Больше того. Отсутствие диалектического подхода осуждает проф. Чаянова на невнимание к ряду явлений в строении крестьянского хозяйства и именно к тем явлениям, которые выражают как раз движение (развитие) этого хозяйства; это невнимание, проистекающее от непонимания их значения для развития крестьянского хозяйства, приводит естественно к неправильному освещению и самого строения крестьянского хозяйства.

Для проф. Чаянова крестьянское хозяйство есть крестьянское хозяйство. Что крестьянское хозяйство носит в себе тенденцию к раскрестьяниванию, к превращению в некрестьянское хозяйство—в фермерское капиталистическое хозяйство на одном полюсе, в хозяйство батрака с наделом на другом, что вследствие этого при внимательном разборе всегда обнаружится, что есть крестьянское хозяйство и крестьянское хозяйство,—все это лежит вне его круга зрения.

Теория крестьянского хозяйства проф. Чаянова, исходя из того факта,

*) На стр. 87 читаем: „Растущая семья, используя преимущества сложной кооперации, развивает всю большую и большую площадь эксплуатации, параллельно умножая свою мощь применением сложных машин“. Проф. Чаянов вспоминая, очевидно, что сложные машины не подрастают сами собой, отмечает тут же, что „несомненно размер хозяйственного имущества, качество и количество надела и, наконец, просто личные качества хозяина обуславливают некоторую (!) экономическую дифференциацию крестьянской массы“, но никакого применения из этого замечания не делает.

что люди довольно редко рождаются двойнями, тройнями и т. п., а больше по одиночке и через известные промежутки времени, приходит к неоспоримому заключению, что семьи должны быть разных размеров. В согласии с этим в исследованном проф. Чаяновым случае из общего числа 201 на семьи с числом душ до 3-х пришлось 17, с числом душ от 4 до 6 — 23 и т. д. А распределение семей по группам, по числу душ в семье и есть для этой теории определяющий момент строения крестьянского хозяйства. «Посевная группировка, говорит проф. Чаянов (см. стр. 84): представляется нам косвенной группировкой по возрасту семьи (по ее размерам)». В результате различия в размере семьи скрадывают все иные различия *).

Между тем, как еще четверть века тому назад отметил тов. Ленин «не следует преувеличивать значение многосемейности зажиточных крестьян, которые, прибегают в наибольшем размере к найму рабочих. «Семейная кооперация», о которой любили толковать наши народники (и наши неонародники Л. К.) является, таким образом, базисом капиталистической кооперации» (см. В. Ильин «Развитие капитализма в России», стр. 46).

На стр. 88 проф. Чаянов сам приводит подтверждение этого положения. Оказывается, что процент наемного труда к общей массе труда

*) Научная добросовестность проф. Чаянова, проявляющаяся во многих местах его книги, заставляет его огорчаться влиянию, говоря его словами, «производительных условий». Так, на стр. 17 мы читаем: «В русских бюджетных работах давно установлен факт некоторого повышения бюджета в высших посевных группах» (курсив проф. Чаянова).

Правда, факт повышения в этой формулировке ослаблен (некоторое повышение), и в подтверждение его проф. Чаянов приводит группировки не по посевам, а по землевладению и по наделенности на 1 работника. Мы приведем рядом с одной из них для сравнения (заимствованную у В. Ильина «Развитие капитализма в России», стр. 99) группировку по хозяйственному признаку — по рабочему скоту:

Группы по землевладению на 1 хоз.	Приходится из личного бюджета на 1 душу обоого пола	
0,0 дес.	В Руб.	В % 0/0.
0,1— 5,0 дес.	33,78	100
5,1—15,0 "	32,89	97
15,1—25,0 "	32,73	97
св. — 25,0 "	34,17	101
	40,42	120
Группы по рабочему скоту на 1 хоз.	Приходится из личного бюджета на 1 душу обоого пола.	
Без рабочего скота	В Руб.	В % 0/0.
с 1 лош. "	19,21	100
" 2 " "	19,86	103
" 3 " "	27,41	143
" 4 " "	27,71	144
" 5 и бол. "	36,73	191
	33,15	172

Таблицы эти сами говорят за себя.

На стр. 89 читаем: «Кроме влияния размеров потребления на размер продукции работника несомненное влияние имеет также и ряд производительных условий приложения труда». На стр. 91 отмечается «резкое (курсив мой Л. К.) повышение бюджета (едака) при улучшении производительных условий». Но в то же время, напр., на стр. 32, читаем прямо противоречащее этим оговоркам заявление: «размер русского крестьянского бюджета в целом (курсив мой Л. К.) определяется запросами потребления... крестьянский работник всегда (курсив мой Л. К.) доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей «едака».

А главное, все эти оговорки остаются оговорками, и в работе проф. Чаянова теория крестьянского хозяйства строится без анализа «производительных условий приложения труда», из которых вообще упоминается только земля (преимущественно находящаяся во владении), да и та оказывается не столько условием, сколько следствием размеров семьи и ее структуры.

(для исследованных им 101 хозяйств) в хозяйствах, занимающихся земледелием, составил:

для сеющих до 3-х десятин	0%
» » от 3-х до 7 1/2 дес.	1,7%
» » » 7 1/2 до 15 »	6,7%
» » свыше 15 »	9,3%

Если не выходить за пределы семейственных событий и считать, что расширение землепользования происходит вследствие увеличения числа работников в семье, то это явление, говорящее о росте недостатка рабочей силы в семье по мере расширения землепользования, было бы необъяснимо *).

Но представим себе, что развитие крестьянского хозяйства начинается по Чаянову, что крестьянин в буквальном смысле сам порождает увеличение мощности своего хозяйства, которая растет по мере того, как подрастают его дети, увеличивая число работников семьи.

Однако по данным, приводимым самим же проф. Чаяновым, с ростом мощности хозяйства необычайно быстро растет и купленная земля. Так, купленной пашни приходится (стр. 83):

	Пашни на- дельной в десятинах.	Пашни ку- пленной в десятинах.	В %/о к надельной.
в группе, сеющей до 3 дес.	4,58	0,	0%
» » от 3 до 7 1/2 дес.	6,14	0,34	5%
» » » 7 1/2 » 15 »	11,49	0,25	2%
» » свыше 15 »	13,79	3,83	28%

Купленная пашня в последней группе возрастает относительно по сравнению с низшими группами, по крайней мере, в пять-шесть раз **).

*) Действие несемейственных факторов всюду в работах проф. Чаянова скрадывается, благодаря следующему характерному приему группировки: в свою высшую группу проф. Чаянов относит хозяйства свыше 15 десятин, т.-е. объединяет вместе средние и действительно крупные крестьянские хозяйства и таким образом топтит последние, естественно более малочисленные, в первых. Насколько сильно действие такого приема группировки, можно видеть из следующих (взятых у В. Ильина *ibid.* стр. 34 и 57) примеров:

Группы дворов.	% хозяйств с батраками.	Группы хозяйств.	% хоз., наи- малющ. сроко- вых рабочих.
сеющих до 5 дес.	2,5	обработ. до 5 дес.	0,7
» от 5 до 10 дес.	2,6	» от 5 до 10 дес.	4,2
» " 10 " 25 "	2,7	» " 10 до 25 "	17,7
» " 25 " 50 "	34,7	» " 25 до 50 "	50,0
» свыше 50 "	64,1 (!)	» свыше 50 "	83,3 (!)
» свыше 10 дес.	18,1	» свыше 10 дес.	28,3

Средние (18,1 и 28,3%) включают в себя и топят в себе 64,1 и 83,1% т.-е. такого рода крестьянские хозяйства, в которых применение наемного труда уже не исключение, а правило.

**) И здесь цифры высшей Чаяновской группы скрадывают действительное положение вещей. Вот данные, раскрывающие эти скобки (см. В. Ильин *ibid.* стр. 31).

	Пашни на- дельной в десятинах.	Пашни ку- пленной в десятинах.	В %/о к надельной.
в группе, стоящей до 5 дес.	5,5	0,04	1%
» " от 5 до 10 дес.	8,7	0,05	1%
» " " 10 " 25 "	12,5	0,6	5%
» " " 25 " 50 "	16,6	2,3	14%
» " " свыше 50 "	17,4	30,0	173%
В группе, стоящей свыше 10 "	13,8	2,3	17%

Эти 17% скрывают, таким образом, в себе, с одной стороны, 5%, а с другой—173%, т.-е. решительное преобладание купленной пашни.

А это означает, что достигнутая хотя бы и на основе «семейной кооперации» мощность закрепляется. В приведенной выше таблице это закрепление видно на примере земли, но оно имеет место и по отношению к прочим средствам производства (живому и мертвому инвентарю). А это означает, в свою очередь, что, помимо естественного фактора, на сцену выступает общественный, действие которого непрерывно накапливается. При повторении естественного цикла по Чаянову молодые семьи высшей группы окажутся, в противоположность молодым семьям низшей группы располагающими, помимо наделной земли, еще и землей купленной (и, разумеется, более богатым инвентарем и денежными средствами).

Словом, несмотря на затушевывающую указанное явление конструкцию работы проф. Чаянова, даже приводимые им данные показывают, что «семейная кооперация» является базисом капиталистической кооперации», что развитие «семейной кооперации» ведет к ее отрицанию. Построение проф. Чаянова выхолащивает из «семейной кооперации» ее развитие, рассматривает ее, как неразвивающуюся и поэтому изображает ее неверно.

Теория трудового крестьянского хозяйства, которую правильное всего было бы назвать физиологической теорией крестьянского хозяйства, отодвигает, как мы видим, на задний план все, что выявляет несоответствие между размерами семьи и размерами хозяйства и находит удовлетворение в выявлении соответствия между тем и другим.

Между тем, как справедливо отмечает (на стр. 82) сам проф. Чаянов, «теоретически можно предположить, что в семьях более зажиточных, семья в общем должна увеличиться скорее не столько в силу повышенной рождаемости, сколько в силу выживаемости детей в относительно лучших условиях жизни. Малоземелье и связанный с ним отход мужского населения также должен признаваться условиями, задерживающими рост семьи». К сожалению, замечание это, смысл которого сводится к тому, что самые размеры семьи определяются мощностью хозяйства, стоит совсем сиротливо в работе проф. Чаянова.

Вообще же кругозор теории трудового крестьянского хозяйства ограничивается пределами семьи и дел семейственных, и эта положительная характеристика названной теории в такой же мере, как и отрицательная (отвлечение от прогресса техники), характеризует ее, как мелкобуржуазную политическую экономию.

Для ограниченности кругозора этой теории весьма показательно и то обстоятельство, что тот капитализм, который она конструирует (и который, как мы видим, вовсе не капитализм), она и не пытается представить себе вне сельского хозяйства: ее кругозор ограничен сельским хозяйством (вследствие чего и ее капитализм для нее не выходит за пределы сельского хозяйства, а промышленность—вопреки истории—оказывается не капиталистической). Теория трудового крестьянского хозяйства неспособна поэтому возвыситься до уровня универсальной мелкобуржуазной политической экономии, а в соответствии с породившей ее социальной базой остается политической экономией мелкой буржуазии, занимающейся сельско-хозяйственным промыслом, т.-е. специфически крестьянской мелкобуржуазной политической экономией.

Но теория трудового крестьянского хозяйства не только физиологическая теория,—она стремится быть и психологической теорией*). Благо-

*) Больше того. В своем предисловии проф. Чаянов говорит даже, что вообще в своем анализе он, «интересуется в сущности только теми особенностями хозяйственной деятельности, которые вытекают из природы мотивации (следовательно, из психологии; курсив мой Л. К.) свойственной семейному хозяйству».

даря этому обстоятельству мы узнаем такие поучительные вещи, как, напр., что (см. стр. 17) «Получение ценностей на всю сумму нетрудового дохода ни в какой мере не является тягостным» (Еще бы! В согласии со своей антикапиталистической тенденцией, проф. Чаянов не считает тягостным труд эксплуатации и все связанные с ним тревожения), что, чем лучше оплачивается труд, тем он менее тягостен (стр. 62), что в глазах приказчиков костюм и жилище имеют гораздо большее значение, чем в глазах промышленных рабочих (стр. 48) и многое другое по части психологии, не менее ценное.

Психологический подход неизбежно ведет к тому, что на первый план выступают вопросы потребления, ибо рассматриваемая психологически, т.-е. с точки зрения ее целей и мотивов, хозяйственная деятельность (для мелкого буржуа, во всяком случае), есть деятельность, имеющая своей конечной целью потребление. Не видя общественной обусловленности своей хозяйственной деятельности, товаропроизводитель и его идеологи тем усерднее пытаются найти индивидуальную обусловленность ее путем анализа потребностей.

В соответствии с этим анализ потребности занимает в теории трудового крестьянского хозяйства совершенно исключительное место. Центральная теоретическая статья, носящая название «Очерки по теории трудового хозяйства», состоит из двух глав: одна называется—«Соотношение производства и потребления», другая — «Основы сложения потребительского бюджета». Кроме того, в книгу вошла статья «Бюджеты крестьянского хозяйства». Из 152 страниц книги на эти две статьи приходится 85, т.-е. больше половины.

В книге проф. Чаянова вопросы производства, можно сказать, вовсе отсутствуют. Не только совершенно исключены из анализа общественные производительные силы (техника), но даже и естественные условия производства совершенно нигде во всем анализе не фигурируют, кроме одного единственного — расстояния от рынка. Зато вопросы потребления разбираются с исключительной тщательностью. Очень характерна в этом отношении постановка вопроса в «опытах изучения изолированного государства». О каких-либо предпосылках анализа в частности, касающейся производства, нет и речи, зато по части потребления мы узнаем, что потребление продуктов сельского хозяйства абсолютно не эластично, а потребление продуктов промышленности абсолютно эластично. На этой противоположности и построен в этой статье весь анализ.

Проф. Чаянов повсюду исходит из того положения, что производство определяется потреблением. Так в упомянутой выше статье, по мере перехода к высшим фазам развития, идет (вопреки истории; для теории трудового крестьянского хозяйства законы истории не писаны) расширение сельского хозяйства и сужение промышленности, потому что потребление продуктов сельского хозяйства не эластично, а потребление продуктов промышленности эластично.

Построение этого основывается, во-первых, на молчаливой предпосылке отсутствия технического прогресса, во-вторых, на высказанной предпосылке неотделенности производства всех средств сельско-хозяйственного производства от сельского хозяйства, которое притом производит только продукты личного потребления, и на такой же предпосылке и для промышленности; в-третьих, на гипотезе об эластичности и не эластичности, приведенной выше. Оно падает, поскольку все эти предпосылки противоречат действительности.

В другой статье, как уже отмечалось нами, доказываем, что продукция крестьянского хозяйства растет пропорционально отношению $\frac{e}{p}$, т.е. пропорционально росту потребления. См., напр., на стр. 32: «Размер русского крестьянского бюджета всецело определяется запросами потребления», крестьянский работник всегда доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей «едоков»; что, как уже отмечалось, опровергается другими, более соответствующими действительности, утверждениями самого же проф. Чаянова.

Эти попытки взять потребление в качестве основного фактора хозяйства приводят, таким образом, к выводам, противоречащим действительности.

Как и всякая психологическая теория в политической экономии, и эта теория связана с ограниченностью кругозора товаропроизводителя, с неумением понять общественные отношения, как таковые, т.е. с неумением понять свою связь с обществом, принявшую иррациональную форму отношений как будто независимых друг от друга отдельных хозяйств. А это неумение является само следствием того уровня развития производительных сил общества, который делает данный объем хозяйственной связи необходимым и в то же время делает невозможным осуществление этой связи в формах связи непосредственной и потому прозрачной.

В соответствии с этим психологическая теория проф. Чаянова исходит из предпосылки мелкого товарного хозяйства. «Объектом нашего анализа», пишет проф. Чаянов на первой же странице своей книги, «предполагаются хозяйства, вступившие в товарно-денежные отношения. Таким образом, продукты, изготовляемые нашими хозяйствами, потеряли качественную потребительскую окраску и носят уравнивающий абстрактный характер «ценности».

Психологическая теория проф. Чаянова выезжает сразу на двух кривых: кривой тягостности приобретения предельного (последнего) рубля и кривой предельной полезности предельного рубля. Обе эти кривые (функции) носят «вполне субъективный характер» (стр. 6, подчеркнуто Чаяновым), однако, тягостность приобретения зависит, согласно проф. Чаянову, как видно из сделанной выше ссылки (стр. 62), от высоты оплаты труда по приобретению, т.е. вполне объективной величины: хотя психология и вполне субъективна, но ежели заплатить пятак, то тягостность будет на пятак, не больше и не меньше.

С другой стороны предельная полезность зависит от шкалы потребностей, а последняя, согласно самому Чаянову (см. стр. 51), от втянутости хозяйств в товарно-денежный оборот, т.е. от обстоятельства, совершенно не субъективного.

И, наконец, хотя по уверению проф. Чаянова и тягостность приобретения и предельная полезность предельного рубля вполне субъективны, но сам-то этот рубль ничего субъективного в себе не заключает; а между тем, он именно определяет по Чаянову обе психологические кривые. Изменения цен—это та судьба, которая играет человеком во всяком товарном, значит, и в мелкобуржуазном обществе. Играет его психологией и не только психологией.

Попытка проф. Чаянова построить на этой нетвердой почве «теорию трудового хозяйства» приводит к малоутешительным результатам. В этом отношении психологическая теория проф. Чаянова не счастливее ее предшественниц. Из непонимания общественной связи ничего, кроме непонимания, и получиться не может. Очень сложные, иллюстрируемые рядом попарно пересекающихся кривых построения этой теории, сплошь и рядом

вступают в противоречия с фактами*), что каждый раз с научной добросовестностью констатируется проф. Чаяновым; для устранения этих противоречий проф. Чаянов выдвигает все новые и новые произвольные гипотезы по части психологии, и получается система, весьма напоминающая астрономию перед появлением Коперника, приводившую, как известно, тогдашних астрономов в отчаяние своей запутанностью и произвольностью своих гипотез. Прикрытием псевдо-научности и тут, как и там, является математическое облачение теории.

Венцом достижений психологической теории является следующее положение (см. стр. 52): «мы должны объяснить это явление (рост размера бюджета «едока» Л. К.) не только высшей доходностью денежного хозяйства, но также и повышенными потребительскими запросами нового бытового состояния». Итак, если растет потребление, так это поэтому, что увеличились потребительские запросы; иными словами, человек ест потому, что у него есть потребность есть, а не только потому, что в кошельке у него шелестят бумажки. Таков один из плодотворнейших результатов психологической теории.

Оборотной стороной бесплодных попыток путем погружения в собственную психологию понять свои взаимоотношения с общественным хозяйством является бессилье мелкобуржуазной политической экономии разглядеть за рябью рыночных цен эволюцию основных факторов хозяйства, осуждающее теорию на то, чтобы всегда оставаться на поверхности явлений. Чем глубже ее психологические изыскания, тем в большей мере ее анализ общественной экономики сводится к констатированию закона спроса и предложения. Так, в теоретической статье «Номографические элементы экономической географии» мы узнаем (стр. 147), что объективный оптимальный уровень интенсивности, оптимальная система хозяйства и соотношение отраслей, т.-е. вся структура народного хозяйства, определяется рыночной конъюнктурой, выражаемой, в конце концов, системой цен. Система цен является здесь, по сути дела, конечным пунктом теоретического анализа, неспособного проникнуть глубже.

В «Основах кредитного хозяйства местного кооператива» читаем: (стр. 109) «Ясно, что объем кредитной кооперации и уровень цен**), и пользование капиталом установятся путем соотношения разобранных нами спроса и предложения средств». А спрос на кредит, как сказано на этой же странице, зависит от ссудного процента, «так, напр., кредит на дорожные и малоприбыльные мелиорации может иметь место только при низком ссудном проценте». Но, разумеется, и предложение кредита зависит от уровня процента. Это — порочный круг. Теория оказывается бессильной проникнуть глубже поверхности явлений.

Это обстоятельство придает теоретической работе проф. Чаянова оттенок весьма нетеоретического эмпиризма, беспомощно нащупывающего явления, теоретически им неосмысленные.

Если физиологические изыскания теории трудового крестьянского хозяйства показывают неспособность ее понять крестьянское хозяйство в его развитии, и, следовательно, в превращении в не-крестьянское хо-

) См., напр., стр. 12—13, из рассмотрения таблиц вытекает . . . это положение находится в противоречии с выводами § 4 (далее идут сразу две гипотезы). Стр. 14: «Эмпирические данные указывают другое». Стр. 19: «Скорость возрастания бюджета превосходит скорость нарастания нетрудового дохода, что противоречит теории», «цифры, вместо наделения, дают нейтральные колебания» и далее новая гипотеза и т. д.

**) Под ценой проф. Чаянов имеет здесь в виду % на капитал. На стр. 110 он говорит, что в результате спроса и предложения капиталов «определяется и размер цены капитала в 10%».